

*Н.Р. Славнитский*

## **МАТЕРИАЛЫ ФОНДА КОМЕНДАНТСКОГО УПРАВЛЕНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ ЗА 1812 г.**

Гарнизон Санкт-Петербургской крепости не принимал непосредственного участия в боевых действиях в 1812 г., но Отечественная война коснулась многих, и столичная крепость не стала исключением. Со стен крепости производили салютационную пальбу в честь побед российского оружия, в ней хранились трофеи, и среди документов сохранились предписания главнокомандующего в Санкт-Петербурге коменданту на сей счет. Кроме того, в крепости содержались различные арестанты, в том числе представители «российских чиновников служивших во французской службе». И эти материалы, на наш взгляд, представляют интерес для исследователей.

В первую очередь, отметим документы, касающиеся вопросов управления. Среди них сообщение С.К. Вязмитинова коменданту крепости генерал-лейтенанту П.А. Сафонову о назначении первого главнокомандующим в столице<sup>1</sup>. Кроме того, в комендантское управление доставляли копии распоряжений военного министра, а также императорские указы, в том числе «Положение для крепостей, на базисе военных действий расположенных» (5 июня 1812 г.)<sup>2</sup>, Манифест императора Александра I от 4 ноября 1812 г.<sup>3</sup>

П.А. Сафонов получал от С.К. Вязмитинова распоряжения о салютах в честь успехов российского оружия. Среди документальных материалов фонда сохранились предписания о производстве салютов со стен крепости:

16 октября произведен салют «по случаю совершенно одержанной победы фельдмаршалом князем Кутузовым над корпусом короля Иоахима, и за освобождение первопрестольного града Москвы от врага корпусом генерал-адъютанта Винцингероде»<sup>4</sup>.

13 ноября – «по случаю одержанной победы и разбития корпусов Давуста и Нея» (так в тексте. – *Н.С.*)<sup>5</sup>.

4 декабря – «по случаю поражения французской армии, взятия 150 орудий артиллерии, нескольких генералов в плен и за взятие города Вильны»<sup>6</sup>.

Из других документов известно, что салюты производились также 14 июля («по заключении мира с Оттоманскою Портою»), 25 и 27 июля (оба раза «по случаю молебствия в Таврической церкви о мире с Портою»), 30 августа («по случаю победы над французской армией», после Бородинского сражения), 11 октября («по случаю победы над французами гр. Витгенштейном»), аналогичный успех графа П.Х. Витгенштейна отмечался 24 ноября и, наконец, 6 декабря «по случаю совершенного поражения французских войск в России»<sup>7</sup>. Хотя позднее днем «окончательного избавления России от неприятеля» стали считать 25 декабря.

Среди документальных материалов фонда сохранилась также переписка, относящаяся к хранению трофейных знамен, доставленных в Петропавловский собор в предыдущие годы. Из нее известно, что часть трофеев в то время из крепости забирали (вероятнее всего, переносили в здание Арсенала). Вообще Петропавловский собор являлся одним из основных мест хранения трофеев российской армии, и все знамена, взятые в сражениях с французами в первом десятилетии XIX в., доставляли именно туда, однако в 1812 г. эта практика прекратилась.

В крепости, вместе с тем, проводились и плановые ремонтные работы. Буквально накануне войны была окончательно утверждена «Диспозиция Санкт-Петербургской крепости о вновь предполагаемых работах на нынешний 1812 год»<sup>8</sup>. Существовал определенный порядок рассмотрения и выделения средств для ремонта. Объекты для ремонта и ассигнования в виде предложения инженерной команды подавались на рассмотрение окружного командира. После его поправок окончательное решение принимал Инженерный департамент, который, как правило, сокращал затраты, а нередко и снимал намеченные работы из-за недостатка финансирования. В целом же ремонтные работы шли своим чередом.

Еще один блок документов связан с использованием крепости в качестве места заключения. С первой четверти XVIII столетия повелось, что в помещениях содержались как важные государственные преступники, так и лица, совершавшие уголовные преступления (в документах в таких случаях чаще всего они назвались «колодниками»).

Проблема содержания заключенных интересовала порой и первых лиц государства. С этим было связано обращение министра полиции А.Д. Балашова к П.А. Сафонову 28 января 1812 г., в котором он запрашивал

(по поручению императора) «план Петропавловской крепости Алексеевского рavelина, на котором были бы означены места, где стоят часовые и с изъяснением кто именно и в каком номере находится»<sup>9</sup>. Этот документ никак не связан с событиями 1812 г., просто в те годы разрабатывали инструкции в отношении содержания заключенных в Алексеевском рavelине и, естественно, возник и вопрос об охране.

Порядку надзора посвящено письмо С.К. Вязмитинова (в тот момент — еще военного губернатора столицы) в феврале 1812 г., после того как он побывал в рavelине с осмотром. Там «услышал я от одного арестанта, в оном содержащегося, что за три дня пред тем отобрано от него крепостным плац-майором Подушкиным письмо, о чем однако я не имел сведения. А как на вопрос мой Подушкин отвечивал, будто бы он письмо от арестанта отобрал вчерашнего дня по утру и следственно показал несправедливо, то и благоволите ваше превосходительство Подушкина за сие арестовать»<sup>10</sup>. Здесь обращает на себя внимание сам факт осмотра узников, а также пристальное внимание к порядку их содержания.

Плац-майор крепости Подушкин, назначенный на эту должность в 1808 г., вообще отличался подобными злоупотреблениями. По словам одного из декабристов, «вся наружность его чрезвычайно как походила на того палача, раз много виденного рано утром, когда я стоял в карауле на Сенатской площади, проехавшего мимо на распусках с своей жертвою и с одним будочником. Подушкин всегда поддержан порядочно дозой водки, имел всегда красное лицо, всегда звериное. Он всегда готов был воспользоваться чужою собственностью, считая арестантов, как отпетых, и злоупотреблениям его не было конца, чему мог свидетельствовать стол наш наисквернейший, какой только мог быть. Через несколько лет Подушкин за крупную взятку с одного заключенного был удален со службы в крепости»<sup>11</sup>. Приведенный абзац относится к 1825 г., т.е. удален из крепости он был во второй половине 1820-х годов, а до того времени злоупотребления сходили ему с рук (в 1814 г. он некоторое время исполнял должность коменданта)<sup>12</sup>.

Вообще из документов видно, что заключенные в крепости находились скорее в ведении губернатора, а не коменданта. Об этом, в частности, свидетельствует письмо С.К. Вязмитинова в начале мая: «Посылаемого при сем преступника города Себежа Федота Прохорова сына Семенова извольте ваше превосходительство содержать в Санкт-Петербургской крепости в каземате Зотова бастиона, из которого находящегося там теперь арестанта приказал я... перевести в Алексеевский рavelин»<sup>13</sup>. Получается, что именно военный губернатор, а затем главнокомандующий столицы решал, где и на каких условиях должны содержаться заключенные.

Секретный дом Алексеевского рavelина был построен в 1797 г., и предполагалось, что там будут находиться важные государственные преступники, тогда как для уголовных приспособляли другие помещения. Хотя бывали и исключения, как мы увидим ниже.

Летом 1812 г. среди заключенных стали появляться участники войны, точнее, те, кто так или иначе был связан с войной. 31 июля С.К. Вязмитинов написал П.А. Сафонову: «...благоволите ваше превосходительство препровождаемого при сем французского дезертира Ламура приказать содержать во вверенной вам крепости впредь до повеления»<sup>14</sup>.

А 19 ноября главнокомандующий распорядился отправить в крепость «российских чиновников служивших во французской службе: начальника верховного суда графа Борха, секретаря его императорского величества Шита, помощника городского полицмейстера Красовского и ксенза Полонского двумя служителями»<sup>15</sup>. Речь, скорее всего, шла о тех, кто сотрудничал с оккупантами в тот период, когда западные области были заняты армией Наполеона.

Из более раннего письма С.К. Вязмитинова (8 ноября) мы узнаем, что в Алексеевском рavelине содержались титулярные советники – «отставной Иван Постников и служивший в межевом Сената департаменте Павел Яблонский» (в тот день их хотели перевести в один из казематов Никольской куртины)<sup>16</sup>. Заведующий помещениями Алексеевского рavelина написал П.А. Сафонову: «Главнокомандующий в Санкт-Петербурге господин генерал от инфантерии Вязмитинов сего ноября 8 предписать мне изволил содержащихся в доме Алексеевского рavelина титулярных советников Посникова и Яблонского отправить к коменданту Санкт-Петербургской крепости, вместе с отобранными у них вещами, деньгами и башмаками, которое вашему превосходительству при сем препровождаю, а какие имеем под сохранением собственные их деньги и бумаги на обороте прилагаю реестры...»<sup>17</sup>.

Кроме того, среди материалов фонда сохранилась переписка коменданта крепости с комендантом города П. Башуцким об офицерах, оказавшихся под арестом и помещенных в крепость за мелкие прегрешения. Так, в конце ноября там оказался подпоручик Петровского пехотного полка Максимов, наказанный за то, что отлучился из караула<sup>18</sup>.

А в декабре в крепости случился побег из каземата Васильевской куртины: «...присланные туда из Городской тюрьмы за убийство дворовые люди Иван Емельянов, Яков Байков и беглой погонщик Кузьма Иванов проломав изнутри камеры стену бежали». С.К. Вязмитинов в связи с этим распорядился произвести дознание, не оказывал ли им кто помощи,

поскольку у него были вполне обоснованные сомнения, «чтоб учинившие побег арестанты, не имея при себе железных вещей, могли руками разломать каменную стену»<sup>19</sup>. О результатах этого расследования нам пока ничего не известно.

Документы, связанные с различными заключенными, интересны еще и тем, что дают определенное представление о структуре военного управления столицей Российской империи. 14 февраля 1797 г. в царствование Павла I было обнародовано «Положение военного губернатора, коменданта и всех чинов, по этим должностям касающимся в петербургском гарнизоне». Считается, что с этого дня ведет свое начало Санкт-Петербургская комендатура<sup>20</sup>. Однако четкого разграничения функций военного губернатора и коменданта сделано не было.

Первым комендантом города был А.А. Аракчеев, и можно предположить, что это назначение первоначально задумывалось императором как временное, чтобы ввести в столичном городе новые порядки, но, как часто бывает в таких случаях, должность стала постоянной. Надо сказать, что первые недели павловского царствования ознаменовались полной перестройкой военного быта Санкт-Петербурга. П.М. Волконский отмечал, что «по принятии же престола императором Павлом I, тотчас заведены были вахт-парады по примеру прусских и как были в Гатчине. Как никто из гвардейских офицеров не имел понятия об оных, то в первые дни их императорския высочества, также комендант, плац-майор и плац-адъютанты водили офицеров за руки для показания каждому своего места»<sup>21</sup>.

В 1812 г. военный губернатор С.К. Вязмитинов был назначен главнокомандующим в Санкт-Петербурге. Когда по долгу службы ему приходилось заниматься арестантами Петропавловской крепости, его интересовали преимущественно заключенные «политического характера», а вот оказавшимися под арестом офицерами столичного гарнизона, судя по всему, занимался комендант города.

В объятия петропавловских казематов попадали и те, кто был замечен в сотрудничестве с неприятелем. Такие случаи в 1812 г. действительно были, главным образом среди гражданских чиновников, однако, судя по всему, массового характера они не приняли. Интересен и тот факт, что коллаборационистов отправляли в столицу. Видимо, подобные случаи воспринимались как экстраординарные.

Офицеры же попадали в Санкт-Петербургскую крепость только за незначительные нарушения, которые случались «всегда и везде».

Итак, большая часть документов, сохранившихся в фонде комендантского управления Санкт-Петербургской крепости, касается содержания в

ней заключенных. Из материалов фонда можно получить определенное представление о внутреннем состоянии российского общества. Представляют интерес также сведения о празднованиях побед русского оружия.

### ПРИМЕЧАНИЯ

- <sup>1</sup> РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 125. Л. 20.
- <sup>2</sup> Там же. Д. 132. Л. 161.
- <sup>3</sup> Там же. Л. 230.
- <sup>4</sup> Там же. Д. 125. Л. 48.
- <sup>5</sup> Там же. Л. 60.
- <sup>6</sup> Там же. Л. 64.
- <sup>7</sup> Там же. Д. 96. Л. 3.
- <sup>8</sup> Там же. Д. 131. Л. 187–192.
- <sup>9</sup> Там же. Д. 109. Л. 44.
- <sup>10</sup> Там же. Д. 125. Л. 11.
- <sup>11</sup> Записки В.П. Зубкова о заключении в Петропавловскую крепость по делу 1825 г. СПб., 1906. С. 89.
- <sup>12</sup> РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 112. Л. 43.
- <sup>13</sup> Там же. Оп. 2. Д. 125. Л. 24.
- <sup>14</sup> Там же. Л. 34.
- <sup>15</sup> Там же. Л. 58.
- <sup>16</sup> Там же. Л. 56.
- <sup>17</sup> Там же. Д. 109. Л. 53.
- <sup>18</sup> Там же. Д. 125. Л. 61.
- <sup>19</sup> Там же. Л. 66.
- <sup>20</sup> Столетие С.-Петербургского Комендантского управления. СПб., 1897. С. 1.
- <sup>21</sup> Рассказы князя П.М. Волконского, записанные с его слов А.В. Висковатовым в январе 1845 г. [Публ. К.А. Висковатова] // Рус. старина. 1876. Т. 16. № 5. С. 180.